

И.В. Маслова

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДИНАСТИЯ СТАХЕЕВЫХ В ЭМИГРАНТСКОМ ХАРБИНЕ

I.V. Maslova

The Stakheyevs' Entrepreneurial Dynasty in Emigrant Harbin

Новые архивные открытия, сделанные в начале XXI в., стимулировали интерес ученых к жизни русского населения в Харбине, его истории и культуре¹.

В статье изучаются некоторые аспекты жизни русских эмигрантов в Харбине на основе материалов личных дел представителей крупной предпринимательской династии Стахеевых. Эти материалы сохранились в Государственном архиве Хабаровского края, в составе фонда Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии.

Стахеевы были выходцами из провинциального купечества Вятской губернии. Они прошли путь от индивидуального торгово-промышленного предпринимательства до семейных торговых домов и далее – до крупнейшего российского концерна Стахеева–Путилова–Батолина. После революции и Гражданской войны, после многих лет жизни в Париже семья учредителя концерна – Ивана Ивановича Стахеева – оказалась в Харбине, где проживало большое количество русских эмигрантов.

* * *

В 1932 г. Харбин вошел в состав марионеточного государства Маньчжоу-Го, созданного Японией на оккупированной территории Северо-Восточного Китая. К выходцам из России японские оккупационные власти относились настороженно, подозревая их в работе на советскую разведку. Но игнорировать столь большую и активную группу населения было невозможно. С целью организации связи между эмигрантами и правительственным аппаратом Маньчжоу-Го в декабре 1934 г. было создано Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ). Главным направлением его деятельности стал контроль над эмигрантскими организациями, учет выходцев из России и «освещение» их жизни². Несомненно, задачей БРЭМ было и привлечение русских эмигрантов на службу японским властям.

Насколько основательно велся учет эмигрантов, можно понять по графам анкеты «Биографические сведения», который им предлагалось заполнить. Помимо привычных анкетных данных (фамилия, имя, отчество, дата рождения, вероисповедание) требовалось указать псевдоним или сценическое имя (это свидетельствовало о

специфике социального и профессионального состава русских эмигрантов: большой доле представителей мира журналистики, литературы и искусства).

В графе «подданство» у большинства значится безликое «эмигрант».

А далее начиналась настоящая проверка на благонадежность: «Возбуждали ли ходатайство о вступлении в подданство СССР, когда и где?», «Имели ли паспорт СССР?», «Когда перестали пролонгировать паспорт СССР и по какой причине?», «Причина выхода из советского подданства» и т.д. После этого следовало ответить на вопросы о жилищных условиях и составе семьи.

Поскольку Харбин обязан своим рождением Китайско-Восточной железной дороге и многие выходцы из России обслуживали именно ее работу, несколько пунктов анкеты предлагали ответить на вопросы о том, на каких железных дорогах, в какой должности служил анкетиремый и т.д.

Для тех, кто трудился в других сферах, подробно по годам, с 1910 по 1941 гг., следовало указать место службы, должность, размер оклада. Дополнительно следовало указать размер и стоимость имущества, которым владел анкетиремый в Харбине.

Особый раздел анкеты был озаглавлен «Общественно-политические сведения», где анкетиремому предлагалось сообщить сведения, в каких политических, военных, революционных, общественных организациях он состоял, указать размер членских взносов, причину вступления или выхода. При заполнении графы о «политических убеждениях» предлагался широкий выбор различных политических взглядов: монархист, республиканец, либерал, легитимист, демократ, социалист, фашист.

Конечно, маньчжурские власти особенно интересовались военной службой эмигрантов. В анкете требовалось указать воинский чин, места службы, ранения, награды, участие в военных кампаниях, особенно кампаниях мировой и Гражданской войн.

В общей сложности анкетиремому предлагалось заполнить ответы на вопросы 77 граф.

Центральный аппарат БРЭМ состоял из шести отделов и канцелярии. Его местные отделения располагались на крупнейших железнодорожных станциях. К концу декабря 1935 г. в БРЭМ было зарегистрировано уже 163 эмигрантских организации в Маньчжурии: политических – 2, общественных – 27, бывших военных – 18 и других³.

Среди личных дел эмигрантов, сформированных сотрудниками БРЭМ, нашлись три дела представителей династии Стахеевых.

Первые два дела – Стахеевой Ольги Флегонтовны и ее дочери Ольги Ивановны.

Ольга Флегонтовна была супругой Ивана Ивановича Стахеева (1869 – 1919). Она родилась в Москве 26 июня 1889 г. Согласно ан-

кетным данным БРЭМ, в 1906 г. она окончила женскую гимназию в Иваново-Вознесенске.

Сведения о дате заключения брака с Иваном Ивановичем в документах БРЭМ отсутствуют.

В 1905–1910 гг. ее супруг, Иван Иванович Стахеев, являлся ведущей фигурой в делах торговой фирмы своего отца. Однако участие в деятельности семейного торгового дома сдерживало его деловую активность, и он принял решение о выходе из него. В мае 1912 г. между И.И. Стахеевым и П.П. Батолиным был заключен договор о создании торгово-промышленного товарищества «И. Стахеев и К^о». К 1917 г. общий баланс товарищества «И. Стахеев и К^о», которое стало головным обществом концерна Стахеева–Путилова–Батолина превышал сумму 300 млн руб., а если учитывать обороты всех предприятий, связанных с концерном, то, по мнению его организаторов, эта цифра «выражается уже в миллиардах»⁴.

В анкете, заполненной в БРЭМ, Ольга Флегонтовна написала о своей жизни до 1914 г. «нигде не служила, занималась домашним хозяйством»⁵.

Революционные события вынудили семью Стахеевых в 1918 г. переехать из Москвы в Крым. Потеряв в революционной России огромные капиталы, крупные предприятия и недвижимость, Иван Иванович Стахеев примкнул к Белому движению. Он погиб, как сообщала харбинская газета «Заря», «вместе с генералом Алмазовым от рук красных убийц»⁶. Это означает, что он входил в состав военной делегации, направленной генералом А.И. Деникиным к адмиралу А.В. Колчаку. Эту делегацию возглавлял генерал А.Н. Гришин-Алмазов, бывший командующий антибольшевистской Сибирской армией, а затем военный губернатор Одессы, представлявший Добровольческую армию. В Каспийском море пароход «Лейла», на котором плыла делегация, был перехвачен большевистским эсминцем «Карл Либкнехт». Эти трагические события произошли 5 мая 1919 г.

Получив известие о гибели супруга, Ольга Флегонтова уехала во Францию. Она ждала ребенка – дочь, о рождении которой Иван Иванович так и не узнал.

Дочь, родившуюся в Париже 28 ноября 1919 г., назвали Ольгой. Вдвоем с ней Ольга Флегонтовна жила, видимо, на средства, вывезенные из России.

В июне 1936 г. она приехала с дочерью в Харбин, где они остановились в фешенебельной гостинице «Модерн». Цель приезда становится понятной из документов ее личного дела, заведенного в БРЭМ: она встретилась с бывшим компаньоном мужа Батолиным. Согласно донесению, подшитому в личное дело, она профинансировала поездку Батолина в Токио. Они намеревались получить концессию в Маньчжоу-Го при помощи японских финансистов.

Однако Ольга Флегонтовна не учла трудного положения русских

эмигрантов в Харбине, особенно предпринимателей, которые часто становились жертвой и преступников, и полиции.

Жизнь русских эмигрантов в Харбине ярко отразили воспоминания итальянского предпринимателя Амлето Веспа, сотрудничавшего с японской разведкой. Судя по этим воспоминаниям, атмосфера, царившая в Харбине, была чрезвычайно опасной. Похищение людей ради выкупа стало нормой жизни, при этом полиция не только закрывала глаза на эти преступления, но принимала в них участие. Веспа приводит несколько примеров: «Купец Тарасенко был похищен жандармерией и уплатил 15 тысяч долларов, после этого его похитила муниципальная полиция, взяв с него 5 тысяч долларов. Купца Тисменицкого заставили уплатить 15 тысяч долларов. Есюкина – 10 тысяч долларов»⁷.

Подобная же тревожная и опасная обстановка сложилась во Владивостоке, куда хлынул поток беженцев из центральной России уже в 1919 г. Татьяна Петровна Карсон (в девичестве Стахеева) вспоминала: «...Оставаться в городе было опасно: людей, известных, как состоятельные, похищали и грабили бандиты. Похищенных удерживали в городах и требовали за них выкуп. У нас, конечно же, уже не было никаких денег, так как банки в России были национализированы. Остались только мамыны украшения»⁸.

О Харбине 1930-х гг. Веспа пишет: «Харбин, когда-то жизнерадостный город, теперь стал царством ходячей смерти... Может быть, ни в одном другом большом городе жизнь не стала такой ненадежной. Жители Харбина рискуют жизнью, если куда-нибудь отправляются безоружными даже среди белого дня. Нападения грабителей, кражи, убийства и похищения стали обыденным явлением»⁹.

Даже в фешенебельной гостинице «Модерн» Стахеева с дочерью не могли чувствовать себя в безопасности. Хозяин гостиницы Иосиф Каспе был владельцем ювелирного магазина, нескольких драматических театров и кино, председателем правления акционерного общества, то есть человеком весьма состоятельным и влиятельным. Но это не спасло от похищения его собственного сына.

Подробно восстановить жизнь Ольги Флегонтовны Стахеевой по сохранившимся в ее личном деле документам не представляется возможным. Но о трех фактах можно утверждать с большой долей уверенности.

Первый: попытка получить концессию в Мачьжоу-Го провалилась.

Второй: мать и дочь Стахеевы находились под пристальным наблюдением БРЭМ. Подтверждением является донесение агента (подобные документы всегда были анонимными) о дочери – Ольге Ивановне Стахеевой. В нем указывается, что ее мать Ольга Флегонтовна работала вышивальщицей в салоне «Люкс» с заработком 40-50 гоби в месяц (гоби – маньчжурский юань – приравнивался к японской иене)¹⁰.

Третий: материальное положение матери и дочери становилось все хуже. Заполняя анкету БРЭМ, Ольга Флегонтовна в графе «Место работы» указала салон «Люкс», добавив к нему и другие салоны. Видимо, вдова миллионера бралась за различные подработки по вышиванию.

В августе 1936 г. ее 17-летняя дочь Ольга заболела тяжелой формой скарлатины, что вызвало беспокойство владельца и постояльцев гостиницы «Модерн». И Стахеевым пришлось переехать к родственникам, в эмигрантский район Модягоу¹¹. Там располагалось благотворительное общежитие для беженцев, созданное Харбинским комитетом помощи русским беженцам. Для обслуживания общежитий с беженцами комитетом содержался медицинский персонал в составе одного врача и четырех фельдшеров¹². Благодаря этому больная Ольга получала квалифицированную медицинскую помощь, что способствовало ее выздоровлению.

Ольга Ивановна Стахеева в 1935 г. получила во Франции среднее образование. Она в совершенстве владела французским и английским языками. В Харбине, после выздоровления, служила экономкой у датчанина Нельсона и получала 50 гоби в месяц¹³.

Согласно анкетным данным, содержащимся в ее личном деле, до мая 1944 г. Ольга Ивановна жила с матерью в квартире по адресу: ул. Раздельная 5, кв. 14. Эта часть Харбина, находившаяся восточнее китайского района Модягоу, застраивалась с 1907 г. Здесь отводили участки и русским, и китайцам. Границей между двумя поселениями (европейским и китайским) стала улица Раздельная. Со временем территория русского поселения, расширяясь, превратилась в один из самых привлекательных спальных районов Харбина, который русские эмигранты называли «Модяго».

В конце анкеты Ольги Ивановны, которую она заполняла 27 мая 1944 г., после ее подписи, вписано примечание, содержащее оценку анкетируемой, включая ее физическое состояние: «Вид здоровый, ответы положительные, впечатление хорошее»¹⁴. Поэтому совершенно неожиданной воспринимается газетная вырезка от 14 октября 1944 г. с заметкой о ее смерти. В ней сообщалось, что Ольга Ивановна Стахеева после литургии в Свято Алексеевском храме была похоронена на Новом кладбище.

К сожалению, на этом данные о жизни двух женщин, матери и дочери, из рода Стахеевых, в Харбине обрываются. И пока нет возможности установить, как сложилась дальнейшая судьба Ольги Флегонтовны.

* * *

Третье дело, хранящееся в фонде БРЭМ, – Василия Григорьевича Стахеева. Сопоставление различных источников приводит к выводу, что Василий Григорьевич был сыном Григория Васильевича

(1875 – 1925/27) и Варвары Павловны (1876 – 1920) Стахеевых. В марте 1937 г. он собственноручно заполнил анкету в 3-м отделении БРЭМ¹⁵.

Согласно сведениям, Василий Григорьевич Стахеев родился 4 июня 1900 г. в Елабуге.

Уточним, что он был внуком Глафиры Федоровны Стахеевой – крупной благотворительницы, устроительницы Епархиального женского училища в Елабуге. У его родителей было семеро детей: братья Григорий, Федор, Петр и Василий и сестры Мария, Варвара и Анна. О судьбе братьев и сестер Василий Григорьевич сообщает в анкете: «сведений нет с 1929 г., жили в Сибири».

В 1911 г. Василий Григорьевич поступил в Елабужское реальное училище (построено в 1878 г. на благотворительные средства его предка купца И.И. Стахеева). В апреле 1918 г. он успешно окончил училище и поступил «по конкурсу аттестатов» в Петровско-Розумовский сельскохозяйственный институт в Москве.

Гражданская война нарушила образовательные планы Василия, и в июле 1918 г. он вступил в антибольшевистские вооруженные силы, в дальнейшем служил в армии адмирала Колчака. Как сам Василий Григорьевич указал в анкете, он участвовал в военных компаниях и походах в составе Белой гвардии с июля 1918 г. по декабрь 1920 г. Отвечая на вопрос анкеты о членстве в военно-политических организациях, он указал «военно-монархический союз».

Прибыв в Харбин в 1920 г., Василий Григорьевич через год устроился курьером в контору «Воскитрусс». В 1922 г. он предпринял попытку наладить торговлю мануфактурой в Японии. Скорее всего, это торговое предприятие не принесло коммерческого успеха, поэтому через год он вернулся в Харбин. С 1923 по 1933 гг. он сменил несколько мест работы: матрос судоходства КВЖД, заведующий магазином Сунгорийских мельниц, старший приемщик, затем доверенный японской лестной фирмы «Ваки», подрядчик в фирмах М.И. Лютая и Ф.П. Ишинповского. Два последних места работы были так или иначе связаны с КВЖД. К примеру, китаец Михаил Иванович Лютай был искуснейшим печником – кладчиком голландских печей и каминов в Харбине, был крупным подрядчиком КВЖД (подрядчики поставляли различные материалы для дороги или производили какие-либо работы для нее)¹⁶. Лютай до революции бывал в Москве и Санкт-Петербурге, имел много друзей среди русских, которые считали его «совершенно своим». Он и подобные ему китайские предприниматели старались поддержать русских эмигрантов, предоставляя им работу.

Тяжелым для Василия Григорьевича выдался 1933 г. когда он в течение года не мог найти работу. В опубликованном письме его двоюродного дяди Григория Ивановича Стахеева к сыну Борису содержится умозаключение насчет того, почему русским так тяжело найти работу в Харбине: «На Харбин уже надеяться нельзя. Здесь в

спросе лишь военные, а по другим специальностям идут сокращения. Вот Вася Стахеев работал у японцев поделно на линии, получал по 5 иен в сутки; в месячные же не берут и всюду ставят своих, но теперь более месяца без работы он. Вообще на Харбин нужно ставить крест. Народ отсюда уезжает на юг, о чем я тебе писал уже не раз»¹⁷.

Но в 1934 г. Василию Григорьевичу удалось найти постоянную работу служащего Харбинского пароходного синдиката с окладом 73 гоби в месяц. В апреле 1939 г. его перевели с сохранением места на службу в пароходство «Мантецу», где прослужил до апреля 1941 г. и был уволен по сокращению штата. В 1941–1942 гг. он служил в японской транспортной фирме «Кокусай-Унью», которая предоставляла суда для дальнейшей транспортировки грузов, доставленных по железным дорогам. Самую большую зарплату (75 гоби) Стахеев стал получать, устроившись охранником в Еврейский народный банк, где работал в 1942–1945 гг.¹⁸

За 25 лет с момента приезда в Харбин Василию Григорьевичу пришлось сменить десять мест работы, причем бывали периоды, когда работы не находилось вовсе. Его «трудовой стаж» показывает, что плачевное материальное положение русских эмигрантов в Харбине было вызвано не столько нежеланием или неумением их выполнять какую-либо работу (ведь среди них были и аристократы, и крупные предприниматели), сколько отсутствием возможности получить работу, не говоря уже о достойном заработке.

Василий Григорьевич состоял в браке с Липой Кришевной Янайт 1895 года рождения. Она была уроженкой Курляндской губернии, латвийская подданная, лютеранского вероисповедания. Прибыла в Харбин с волной беженцев в 1918 г. и работала кельнершей (официанткой) в ресторанах. В 1921 гг. Василий Григорьевич и Липа Кришевна стали жить вместе в гражданском браке. Детей в их семье не было.

Среди родственников, помимо двоюродной тети Ольги Флегонтовна и ее дочери Ольги Ивановны, он указал в анкете двоюродного дядю Григория Ивановича Стахеева, о котором сообщил, что тот проживает в Харбине и перебивается случайными заработками.

Указание адреса проживания Василия Григорьевича (ул. Пинчуан № 21, Частный Затон) позволяет выявить общие условия проживания русских эмигрантов этом районе. Затон – это большой район Харбина, находившийся «за рекой», то есть на левом берегу р. Сунгари. Изначально здесь располагался поселок строителей и людей, работающих в порту на разгрузке барж. С 1899 г. Затон стал активно застраиваться и разделился на две части. Ниже железнодорожного моста по течению реки располагался Казенный Затон, выше – Частный Затон. Последний был весьма respectable районом, в котором преобладали дома и дачи. Это было место отдыха

харбинцев с ресторанами и пляжем, спортивными сооружениями. В 1924 г. в Затоне была построена красивая церковь, посвященная покровителю всех путешественников и плавающих – святителю и чудотворцу Николаю. Василий Григорьевич входил в состав членов приходского совета этой церкви, в обязанности которых наряду с прочими входило заботиться об обеспечении храма всем необходимым для «благолепного совершения богослужений».

* * *

Даже обрывочные сведения о жизни трех представителей династии Стахеевых в условиях харбинской эмиграции дают возможность выделить основные социально-экономические и психологические характеристики, дополняющие и в целом подтверждающие общую историческую картину Русского зарубежья.

Первое появление русских эмигрантов за пределами революционной России следует отнести к 1918 г. При этом в первой волне преобладали женщины и дети, которых главы семейств отправляли «переждать» чрезвычайную ситуацию, возникшую в стране. Но главная масса россиян устремилась за границу после крушения Белого движения в Забайкалье и Приморье в 1922 г. Волна эмигрантов хлынула на территорию Северной Манчжурии.

Особую роль в осуществлении контроля над жизнью русских эмигрантов и деятельности их организаций в Харбине сыграло Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. Его делопроизводство оставило нам в наследство большое количество документов, которые являются важнейшим источником для изучения Русского зарубежья на Дальнем Востоке. И это документальное наследие нуждается в дальнейшем изучении.

Эмиграция изменила экономический и социальный статус покинувших страну россиян. Вывезенные деньги и ценности позволяли продержаться незначительное время, а затем следовало искать работу. Учитывая, что заняться привычными видами деятельности российские предприниматели имели возможность далеко не всегда, им приходилось браться за самую разную и низкооплачиваемую работу (в сфере услуг, транспорта, охраны, торговли). Женщины и девушки, оказавшись в чужой стране без кормильцев, зарабатывали рукодельем, частными уроками иностранных языков, нанимались в экономии и официантки. Навыки, формировавшиеся как элемент традиционного внутрисемейного трудового воспитания женщин, приобрели характер жизненно-необходимых.

Смена социально-экономического статуса и бытовой повседневности отражалась не только на физическом, но и на психологическом состоянии эмигрантов. Однако невзирая на трудности, с которыми столкнулись русские эмигранты в Харбине, именно благодаря их деятельности этот город в 1920-е – 1930-е гг. стал культурным

Примечания Notes

¹ *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае (1920 – 1950-е гг.). Хабаровск, 2008; *Капран И.К.* Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. – 50-е гг. XX в.). Владивосток, 2011; *Кротова М.В.* СССР и российская эмиграция в Маньчжурии, 1920 – 1930-е гг. Санкт-Петербург, 2014; *Кротова М.В.* Феномен Харбина как полифоничного города // *Historia provinciae – журнал региональной истории.* 2019. Т. 3. № 2. С. 749–785.

² *Буржинская И.* Здесь под небом чужим // *Мой университет.* 2012. № 4. С. 125.

³ *Буржинская И.* Здесь под небом чужим // *Мой университет.* 2012. № 4. С. 125.

⁴ К истории концерна И. [Г.] Стахеева // *Исторический архив.* 1957. № 3. С. 168.

⁵ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 45214. Л. 1об.

⁶ ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 3196. Л. (не пронумерован).

⁷ *Весна А.* Тайный агент Японии. Хабаровск, 1939. С. 117, 118.

⁸ *Карсон Т.* Воспоминания о русской семье. Краснодар, 2009. С. 84.

⁹ *Весна А.* Тайный агент Японии. Хабаровск, 1939. С. 122.

¹⁰ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 45214. Л. 6.

¹¹ Там же. Л. (не пронумерован).

¹² *Лазарева С.И.* Роль Харбинского комитета помощи русским беженцам в становлении социальной защиты русских эмигрантов в Маньчжурии (1923 – начало 40-х гг. XX в.) // *Известия Восточного института.* 2013. № 1 (21). С. 15.

¹³ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3, Д. 45188, Л. 1об.

¹⁴ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 45214. Л. 19.

¹⁵ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 45179. Л. 3–7об.

¹⁶ *Мелихов Г.В.* Белый Харбин: Середина 20-х. Москва, 2003. С. 100.

¹⁷ *Валеев Н.М., Валеева Н.Г.* Елабуга. Харбин. Сидней... Казань, 2007. С. 148.

¹⁸ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 45179. Л. 20.

Автор, аннотация, ключевые слова

Маслова Инга Владимировна – докт. ист. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
saveli3@yandex.ru

В статье рассматривается история российской эмиграции в Харбине на основе биографического анализа жизни и деятельности представите-

лей российской предпринимательской династии Стахеевых. В качестве источников использованы ранее неизвестные документы личных дел трех представителей этой династии. Эти личные дела были созданы государственным органом, специально созданным японской оккупационной администрацией для контроля над русскими эмигрантами и русскими эмигрантскими организациями в Маньчжурии.

Представители династии Стахеевых покинули Россию в составе первой и второй волн эмиграции. Их судьбы свидетельствуют о том, что эмиграция изменила экономический и социальный статус россиян, которые были вынуждены покинуть страну. Заняться привычными видами коммерческой деятельности у предпринимателей получалось далеко не всегда. Вывезенные из России деньги и ценности позволяли продержаться незначительное время, а затем следовало искать работу. Им приходилось брать за самую разную и низкооплачиваемую работу в сфере услуг, транспорта, охраны, торговли. Женщины и девушки, оказавшись в чужой стране без кормильцев, зарабатывали рукодельем, частными уроками иностранных языков, нанимались в экономии и официантки. Навыки, сформировавшиеся как элемент традиционного внутрисемейного трудового воспитания женщин, приобрели характер жизненно-необходимых. Резкая смена социально-экономического статуса и повседневности отразилась и на физическом, и на психологическом состоянии эмигрантов.

Маньчжурия, Харбин, Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), русская эмиграция, социальная адаптация, повседневность, предпринимательство, род Стахеевых.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Krotova, M.V. Fenomen Kharbina kak polifonichnogo goroda [The Phenomenon of Harbin as a Polyphonic City.] *Historia provinciae – zhurnal regionalnoy istorii*, 2019, vol. 3, no. 2, pp. 749–785. (In Russian).

2. Lazareva, S.I. Rol Kharbinskogo komiteta pomoshchi russkim bezhentsam v stanovlenii sotsialnoy zashchity russkikh emigrantov v Manchzhurii (1923 – nachalo 40-kh gg. XX v.) [The Harbin Relief Committee to Aid Russian Refugees and its Role in the Development of Social Protection for Russian Emigrants in Manchuria (1923 – early 1940s).] *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2013, no. 1 (21), pp. 10–19. (In Russian).

(Monographs)

3. Aurilene, E.E. Rossiyskaya diaspora v Kitaye (1920 – 1950-e gg.) [The Russian Diaspora in China, 1920 – 1950s.]. Khabarovsk, 2008, 268 p. (In Russian).

4. Kapran, I.K. Povsednevnyaya zhizn russkogo naseleniya Kharbina (konets XIX v. – 50-e gg. XX v.) [The Everyday Life of the Russian Population of Har-

bin (end of the 19th Century – 1950s).]. Vladivostok, 2011, 202 p. (In Russian).

5. Krotova, M.V. SSSR i rossiyskaya emigratsiya v Manchzhurii (1920 – 1930-e gg.) [The USSR and the Russian Emigration in Manchuria (1920 – 1930s)]. St. Petersburg, 2014, 377 p. (In Russian).

6. Melikhov, G.V. Belyy Kharbin: Seredina 20-kh [The White Harbin: Middle of 1920's]. Moscow, 2003, 438 p. (In Russian).

7. Valeyev, N.M.; Valeyeva, N.G. Elabuga. Kharbin. Sidney... [Yelabuga. Harbin. Sydney...]. Kazan, 2007, 207 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Inga V. Maslova – Doctor of History, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)
saveli3@yandex.ru

The article examines the history of Russian emigration in Harbin through the biographical analysis of the life and entrepreneurship of the Russian entrepreneurial dynasty of the Stakheyevs. The personal records of three representatives of the dynasty were used as original sources. The files were made by an official body which was set up by the Japanese occupation administration to control Russian emigrants and emigrant organizations in Manchuria.

Some members of the Stakheyev clan left Russia with the first and second emigration wave. Their biographical data show that the Russian emigration had to change their economic and social status. It was not common for them to carry on their business activities abroad. The money and valuables they had brought with them could keep them afloat but for a short time. As they searched for work they had to take up various low-paying jobs in service industry, transport, security, and trade. Girls and women, left without a breadwinner, had to earn their living by handicraft, private lessons of foreign languages as well as working as housekeepers and waitresses. Their skills acquired as an element of traditional in-family occupational training proved to be vitally important. A dramatic change in their social and economic status and everyday life affected the emigrants' physical and psychological state.

Manchuria, Harbin, Chinese Eastern railway (CER), Russian emigration, social adaptation, everyday life, entrepreneur, entrepreneurship, Stakheyev clan.

ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ

Cultural Memory

A.S. Mironov

ON THE TIME IN RUSSIAN BYLINAS AND ITS AXIOLOGICAL NATURE

А.С. Миронов

О ценностном характере былинной темпоральности

Перевод А.И. Парфенова*

The idea that the epic time is ideal, sacral, and «insular» — as if existing in its own particular universe absolutely distinct from the everyday reality of both the bylina narrator and his audience — is equally shared by different schools of Russian epic studies.

Thus, the followers of the so-called Historical School (L.N. Maykov, V.F. Miller, B.A. Rybakov, M.M. Plisetsky, S.N. Azbelev, V.G. Smolitsky, etc.) argued that Russian bylinas should be treated as mirroring real historical events translated, however, through the images of the abstract «epic epoch». D.S. Likhachev extended some M.M. Bakhtin's principles to Russian heroic songs — the rules which had been previously formulated by the scholar to describe the epic in general (i.e., as distinct from the novel). According to the latter, «an absolute epic distance separates the epic world from contemporary reality, that is, from the time in which the singer (the author and his audience) lives»¹. In this regard, D.S. Likhachev specifies that the past of bylinas is «an ideal “antiquity” with no direct transition to modern times»². The scholar is convinced that «bylina time is closed, and closed as though with a doubly closed character»: «in the first place, epic time itself, which occupies a seemingly “insular position” in Russian history, and is not connected with any transitions to the rest of Russian history, is closed, and in the second place the action of the bylina itself is closed»³. In D.S. Likhachev's view, «time begins in the bylina ... with the start of the story and finishes with the end of the story»⁴.

The Neomythologists (or the Ritualists) are of the opinion that Russian epic poetry should be treated as indicative of archaic magical prac-

* Translated by A.I. Parfenov (Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow region, Russia).

tices with their imagery of the «original time» — the epoch when the «cultural heroes» established rituals and taught people how to use these or those basic technologies. Thus, according to S.U. Nekludov, «the epic epoch — taking into account its isolation — is analogous to the mythological “time before time itself”»⁵. The «nostalgia for the golden age» — the quality about which E.M. Meletinsky writes with regard to Russian bylinas⁶ — is attributed by the Neomythologists to the fact that the mythological time is an «original time», a time when all happened — excuse our tautology — for the first time: «...first appearance of a certain thing is relevant, while all subsequent appearances of this very thing are without such relevance»⁷.

* * *

Nonetheless, anyone familiar with Russian bylinas feels that the time of the epic Prince Vladimir is perceived neither by the narrator nor by his listeners, nor by the very heroes as an «original time». This perception is absolutely impossible. In bylinas, nobody can be considered as the first man or progenitor, as a cultural hero establishing a certain order of things, certain laws, arts, and crafts. Mikula Selyaninovich isn't the first plowman in history, his activity quite ordinary and habitual; moreover, there are a lot of other plowmen around him (this is why the hero doesn't «give» plow to the humankind, but, on the contrary, hides his one behind a brittle-willow bush). Also, Dobrynya Nikitich acts as a serpent-fighter not for the first time: his father Nikita previously played this role. Ilya Muromets encloses his parents' plot, grubs out the stumps, and removes the stones, but it is absolutely impossible to say that this work is done by the hero for the first time in the history of the epic Russia. As for Prince Vladimir, this character neither establishes princely power nor usurps it: he just takes it over trying to preserve the existing order of things. In general, the chronotope of the prince's feast is perceived as a sort of «contemporaneity in the past» precisely because the listener can intuitively understand either the psychology of the characters or the rules of conduct adopted at the court (at one's house, on the battlefield, etc.); there are neither mysteries nor enigmas, nor specific archaic rituals. The spirit of everyday life permeates Novgorodian epic songs to an even larger extent: neither Sadko nor Vasily Buslaev can be regarded as first men, progenitors or cultural heroes.

At first glance, the case of Volkh Vseslavevich is more complex; according to the Neomythologists, this hero invents and then gives to mankind certain technologies (first of all, those of hunt, but also, as it seems, the «much wisdom» — i.e., turnskin knowledge and magic). However, if we carefully reread the variants of the epic song, we will see that the hero doesn't teach his warriors how to hunt: he hunts *for* them using his unique method — his ability to turn into different animals. At that, Volkh Vseslavevich doesn't teach anyone to this practice; it remains his

exclusive knowledge. So, the hero is neither a teacher nor a founder; as rendered in Russian bylinas, he is an individualist, a person unwilling to share his knowledge with anyone. Even assuming that Volkh Vseslavevich teaches his warriors how to hunt (providing certain examples of this trade for them), we'll have to reject such an assumption on the ground that the men already know how to track and kill animals — even if they commit these or those mistakes in practice.

In our view, the formula «original times» (*vremena pervonachalnye*; from Kirsha Danilov's famous collection) highlighted by certain scholars⁸ doesn't merit serious attention. Firstly, we find this formula in the skomorokh song about a man harnessing his own mother and wife to a cart (*The Ancient Russian Poems...*, p. 176); here, the word-combination produces a comical effect (or burlesque) arising from the discrepancy between the low theme and the high style by which this very theme is represented. Secondly, the epithet «original» is applied not to the times of Prince Vladimir, but to the period «When formidable Tsar Ivan Vasilevich / Ascended his throne, began to reign» (*The Ancient Russian Poems...*, p. 171, vv. 3-4), which confirms our opinion that the epic time is open to the features of later epochs.

It is also inconceivable that bylinas (as we know them from the existing records) were performed with certain ritual purposes, including, for example, the healing of illnesses, as it is supposed by those scholars who focus on mythological studies (their opinion based on the postulate of mythological consciousness according to which the narration of a certain object's or phenomenon's «original story» puts this very object or phenomenon in good order). Thus, the bylina about Sadko (or any extracts from it) can't be narrated in order to become rich or to learn how to play the psaltery. Axiological analysis clearly demonstrates that both the wealth and the desire to be the best psalterer act as temptations for the hero, as sources of his future misfortunes; in particular, the Sea Tsar tries to spiritually capture Sadko precisely through these two passions.

According to the Ritualists, the action of folklore is set in the «ritual time», the one «seen by the audience both as a rupture in the worldly, mundane time and a breakthrough into the sacred, eternal time»⁹. However, numerous events of the bylina world cannot be regarded as relating to this temporal category under any circumstances. For example, the image of the knight who rides ridiculously in his saddle because the wandering minstrels «gave him a lot of lashes on the ass» (*Bylinas in 25 vols.*, vol. 2, p. 23, v. 116) — we find this scene in the bylina about the forty wandering minstrels (*sorok kalik*) which absolutely cannot be regarded as a skomorokh song. And not only Alyosha Popovich [in Russian the patronymic Popovich literally means «a son of the priest»] (in respect to whom, it may be theoretically inferred, some epic singers are prejudiced, seeing this character as a representative of the clergy) finds himself in such a situation, but also Dobrynya Nikitich, a hero deeply beloved by all Russian people. The latter gets «two ass-kicks» (*Bylinas in 25 vols.*, vol.

1, p. 373, v. 83) from the travelling knight known as *nakhvalchik* (literally «braggart» or «boaster») after which is seated by him backwards on the charger — once again, all this takes place neither in a skomorokh song nor in a parodic epic, but in the solemn and profound bylina depicting Ilya Muromets's tragic meeting with his own son. In our view, any effort to represent this scene as a vestige of ritual derision is a clear example of forced argumentation.

If the culture of Classical Antiquity — as well as its successor, Western European cultural paradigm — presupposes a strict dichotomy between the sacral and the profane (inter alia, in terms of genres), Russian bylinas organically merge the low and the laughable with the «ascents to those spiritual spheres that may be reached only through numerous efforts, struggle, and suffering»¹⁰. As is well known, the Homeric Odysseus returns home to deal brutally with Penelope's suitors — and this kind of action certainly fits into the category of «sacral time»; but what about the bylina scene in which Dobrynya Nikitich comes back and beats Alyosha Popovich, an unsuccessful fiancé now, with his own psaltery in such a way that «Alyosha's groans were muffled / By these very strikes and blows» (*Bylinas in 25 vols.*, vol. 1, p. 259, vv. 269-270)? This quite realistic, devoid of sublime pathos scene can't be interpreted as presupposing any sacral temporality or sacredness as such — except possibly the sacred feelings of love and mercy which prevent Dobrynya Nikitich (as opposed to the mentioned Homeric personage) from killing his ill-fated love rival.

As can be seen from the above, the artistic time of Russian bylinas doesn't involve any traits of the «original time». It is important to point out that the two temporalities (i.e., the time of bylina action and the time of bylina performance) have something in common: a single system of axiological coordinates equally shared by the heroes and the listeners. In this lies the principle difference between the bylina narration and the mythological narrative discourse, the characters of the latter above the audience's moral judgment, as if «concealed» from its critical gaze by their height and distance.

In the case of Russian folk epics, the general rules according to which the hero should be morally assessed (the rules applicable to the hero himself — as well as to other personages of the bylina world, to the epic singer and his audience) merge the epic time with the temporal reality of everyday life. The listener realizes that the spiritual laws connecting heroes' acts with their consequences are no less relevant today: they work equally in his own mundane time and in the epic Kiev. This understanding joins a flow of time: the present continuous of the epic singer and his listeners emerges as a natural extension of the heroes' epic past. Critically examining the deeds of the epic knights (even committed by his favorite characters), the bylina narrator invites the listeners to acknowledge the relevance of bylina spiritual laws in respect to their own everyday life.

According to M.M. Bakhtin, in the case of epic, «the valorized em-

phasis is not on the future and does not serve the future, no favors are being done it (such favors face an eternity outside time); what is served here is the future memory of a past, a broadening of the world of the absolute past, an enriching of it with new images (at the expense of contemporaneity)»¹¹. However, Russian epic consciousness appreciates not the past per se, but timeless spiritual laws illustrated through the images of the past — the laws equally applicable to any epoch. Therefore, in the case of bylinas, the value emphasis lies not on the past, but rather on the future which may (and should) become an axiological extension of the ancient times.

As for the suggestion that the artistic time of Russian heroic songs should be described as static, it is not confirmed by the analysis of existing bylina records. Quite on the contrary, the favorite plot of Russian folk epics may well be identified as the appearance of an «unexpected» new hero. Among these heroes are Alyosha Popovich and Dobrynya Nikitich, Ilya Muromets and Vasily Buslaev; later on, they are replaced by Mikhaylo Danilovich, Yermak Timofeevich, Duk Stepanovich, and Konstantin Saulevich. We can say that bylinas act as songs about new heroes, that they are permeated with the anticipation of heroic deeds committed by warriors of a new generation — the ones who are successors of Svyatogor, Samson Samoylovich, and other «old» knights.

From our point of view, the idea that «the universe rendered at the beginning [Of Russian bylinas. — *A.M.*] is perfect and harmonious, completely devoid of any evil»¹² should also be treated as dubious. This observation may be correct in the case of myths or in relation to the folk epics created by hunter-gatherer societies. As for the opening lines of Russian heroic songs, they often picture how the previous order of things is disturbed by the birth of a new knight: thus, the nature trembles with fear when Volkh Vseslavovich is born and, in another bylina, evil forces are terrified upon learning that Dobrynya Nikitich has come into this world. Bylinas usually begin with a certain novelty, which highlights that Russian epic consciousness is focused on the future, on the new models of the universe. The traditional beginning depicting Prince Vladimir's feast is also far from any harmony allegedly intrinsic to the bygone era: the feast is inevitably connected with this or that problem (the Prince is upset or he wants to marry; he has to pay tribute; he has lost Russian knights at cards; he suffers from his Princess's impudent favorite; he is notified about a crop damage or an enemy invasion; he finds out that a certain knight abandoned his knightly mission, etc.). A problem, a new «evil» is inherently a key element of the bylina universe; it is rendered here from the beginning of the plot. Taking this into account, it may be said that any bylina is a song about a «new» time, its opening lines indicating a dramatic transition to the mentioned temporal category.

Indeed, in the case of Russian bylinas, the «absolute past» is broadened by the images of contemporaneity — but not because the epic singer tries both to preserve the memory of the past and to affirm its value. Quite